

Peter Arkadiev

(Rosyjska Akademia Nauk)

Возможны ли однопадежные системы?

Summary

The article argues against the traditional structuralist conception of grammatical categories as minimally binary oppositions and proposes to treat a variety of unrelated languages as possessing just one case. Two types of "monocausal systems" are distinguished: (1) the ones where the only morphologically overt case is opposed to a default form which is regarded as lacking case (Persian); and (2) the ones where the single morphologically overt case is in complementary distribution with the "head marking" of grammatical relations in the verb (Yimas). This logic is also extended to richer case systems, some of which I propose to analyze as containing a "caseless" form opposed to an array of overt genuine cases (Ket, Diegueño).

Key words: grammatical categories, grammatical case

Streszczenie

Autor danego artykułu przytacza argumenty przeciw tradycyjnemu, strukturalnemu twierdzeniu o nieodzownej binarności kategorii gramatycznych i proponuje potraktować grupę różnych języków jak gdyby dysponowały one tylko jednym przypadkiem. Powszechnie wyróżnia się dwa typy „systemów jednoprzypadkowych”: (1) systemy, w których jednemu wyrażonemu morfologicznie przypadkowi jest przeciwstawiona „domyślna” i formalnie nienacechowana forma rzeczownika, traktowana zazwyczaj jako bezprzypadkowa (j. perski) oraz (2) systemy, w których jedyny morfologiczny wskaźnik przypadku jest zespolony z „najwyższym nacechowaniem” relacji syntaktycznych w czasowniku (j. yimas). Autor proponuje podobne podejście zastosować także do systemów posługujących się więcej niż jednym przypadkiem. Wśród podobnych systemów można wyróżnić takie, w których rzędowi przypadków wyrażonych morfologicznie można przeciwstawić formę „bezprzypadkową” (j. ketski, diegueno).

Słowa kluczowe: kategorie gramatyczne, przypadek gramatyczny

Введение

Вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, многим лингвистам покажется провокативным, а ответ на него – очевидно отрицательным¹. Действительно, структуралистская парадигма, многие постулаты и методологические установки которой до сих пор сохраняют свою актуальность, основным элементом языковой системы считает оппозицию, единственно в рамках которой языковые единицы приобретают свое значение (ср.: Соссюр 1977/1916: Гл. IV; Якобсон 1985/1959: 236), а оппозиция логически предполагает как минимум два противопоставленных друг другу члена. Грамматическая категория же в ее классическом понимании (ср.: Зализняк 2002/1967: 26–27; Matthews 1991/1974: 38–40; Мельчук 1997: 247–250; Carstairs-McCarthy 2000; Плунгян 2011: 26, 32–33) является лишь частным случаем оппозиции и потому – по определению – содержит как минимум два элемента (граммемы), ср. (Мельчук 1997: 248): «категория никогда не содержит **меньше двух элементов** – поскольку значения одной категории должны, по определению, исключать друг друга, а для этого требуется по крайней мере два противопоставленных значения». Падеж как частный случай грамматической категории, разумеется, не является здесь исключением, ср.: Hjelmslev 1972/1935: 113²; Зализняк 2002/1973: 616³; Мельчук 1998: 324–327; Blake 2000/1994: 155; Iggesen 2005: 212⁴; Bickel & Nichols 2007: 210⁵;

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-04-00580. Я благодарю Г.М. Зельдовича за настойчивое приглашение участвовать в сборнике, послужившее стимулом к написанию этой работы, М.А. Даниэля, Бернарда Комри, Гревилы Корбета, В.А. Плунгяна и Мартина Хаспельмата за заинтересованное обсуждение первоначального варианта статьи, а также Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия), во время пребывания в котором в октябре 2014 г. эта статья была написана, а также лично Бернарда Комри за любезное гостеприимство. Все ошибки и неверные интерпретации остаются на совести автора.

² “Le système le plus simple que l’on puisse concevoir est le système à deux termes”.

³ «Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще».

⁴ “The minimal case paradigm contains two members, since paradigmatic relationships between word-forms are ultimately based on binary oppositions”.

⁵ “Case inventories range from two cases to dozens”.

Malchukov & Spencer 2009: 651; Arkadiev 2009; Corbett 2012: 150–151). Несмотря на все это, я постараюсь показать, что в рамках выработанных в современной лингвистике «постструктуралистских» подходов к грамматике (о критике традиционного понимания грамматического см., в частности, Перцов 2001: Гл. 2; Boje & Harder 2012) постановка вопроса об однопадежных системах не лишена смысла, а ответ на этот вопрос может быть положительным.

Статья строится следующим образом. В § 1 я остановлюсь на некоторых концептуальных вопросах, связанных с используемыми здесь понятиями. Поскольку гипотетические однопадежные системы следует искать среди минимальных падежных систем, т.е. в традиционном понимании являющихся двухпадежными, эмпирическая часть работы в основном будет связана именно с двухпадежными системами, типология которых разрабатывалась автором в предшествующих публикациях (см.: Аркадьев 2005, 2006a,b, 2008; Arkadiev 2006, 2008, 2009). В § 2 будет рассмотрено несколько «классических» примеров двухпадежных систем, а в центральном для статьи § 3 я обращусь к системам, которые, как я полагаю, допускают «однопадежную» трактовку. В § 4 я обсужу некоторые типологические импликации идеи «однопадежности».

1. Грамматические категории vs. морфосинтаксические признаки

Несмотря на укоренившуюся структуралистскую интуицию относительно минимально бинарной структуры грамматических категорий, в лингвистике последних нескольких десятилетий происходит постепенный отказ от этой концепции в ее наиболее ригористической форме, наблюдающийся как в реальной практике лингвистических описаний, так и в теоретических построениях.

Так, У. Фоли, описывая язык йимас (семья сепик-раму, Папуа-Новая Гвинея), который будет предметом подробного рассмотрения в § 3, говорит о «суффиксе косвенного падежа» (“oblique suffix”, Foley 1991: 165–169), однако нигде не упоминает «номинатива» или «прямого падежа», равно как и не постулирует в этом языке грамматической категории «падеж», находя для целей описания достаточным упомянуть, что это

«единственный падежный показатель в йимасе»⁶ (ibidem: 165) и подробно описать его дистрибуцию. При этом стоит отметить, что У. Фоли – известный типолог и автор теоретических работ, – вне всякого сомнения, знает о «классическом» понимании категории падежа и при необходимости мог бы подробно мотивировать свой способ описания.

Во многих теоретических работах по грамматике, в первую очередь по морфологии, вводятся понятия, аналогичные традиционным грамматическим категориям, с единственным отличием (не всегда формулируемым именно в таких терминах): они не предполагают обязательного наличия оппозиции нескольких значений (граммем) внутри самой категории, т.е., фактически, допускают одноэлементные категории. Таково, например, понятие квазиграммемы у И.А. Мельчука (1997: 286–288), неформально определяемое как «значение, выражаемое регулярно, но не обязательное» (ibidem: 286), т.е. в системе языка противопоставленное не какому-либо другому значению, а лишь своему отсутствию. К квазиграммемам И.А. Мельчук относит, в частности, английский притяжательный суффикс 's (ibidem: 287), который, по его словам, «не противопоставляется другим суффиксам и не имеет статуса показателя падежа». В этой логике, в принципе, косвенный падеж в йимасе также можно было бы считать квазиграммемой. О квазиграммемах также см. (Перцов 2001: 84–90; Плунгян 2011: 66–70).

В западной, в первую очередь англоязычной литературе по морфологии и синтаксису (особенно принадлежащей к «формальному» направлению) вместо терминов «грамматическая категория» и «граммема» обычно используются термины «морфосинтаксический признак» (*morphosyntactic feature*) и «морфосинтаксическое значение» (*morphosyntactic value*), по-видимому, впервые введенные в первом издании книги (Matthews 1991/1974), см. также (Carstairs-McCarthy 2000; Stump 2001: 38–43) и в особенности работы Г. Корбета (Corbett 2008, 2009, 2010, 2011, 2012; Corbett & Kibort (eds.) 2010). В данной статье я опираюсь на указанные работы, однако не следую никакой из них в полной мере.

Базовым понятием в данной паре, с моей точки зрения, является «морфосинтаксическое значение», которое можно определить как

⁶ “This is the single nominal case marker in Yimas”.

абстрактную единицу грамматической системы, устанавливающую (потенциально много-многозначное) соответствие между некоторым набором релевантных для данного языка синтаксических или семантических функций⁷ и определенным множеством формальных средств выражения этих функций (ср.: Beard 1995: 255–258). Иными словами, морфосинтаксическое значение принадлежит интерфейсу, соотносящему план содержания и план выражения (ср.: Corbett 2012: 48). В первом приближении примером морфосинтаксического значения может служить любая традиционная граммема, например, «винительный падеж» в русском языке, являющийся не чем иным, как соответствием между определенным набором синтаксических контекстов и конкретным множеством морфологических форм (ср. формальное определение падежа в классической работе Зализняк 2002/1973). Морфосинтаксическими значениями также являются «квазиграммемы», например, английская «притяжательность», устанавливающая соответствие между синтаксической конфигурацией и набором морфологических форм, к которому относятся не только суффикс или энклитика 's и ее алломорфы, но и притяжательные местоимения типа *my* 'мой' или *his* 'его'.

Морфосинтаксические значения в рамках конкретно-языковой системы могут объединяться в множества взаимоисключающих значений, которые и являются морфосинтаксическими признаками – аналогами традиционных грамматических категорий. Подобно тому, как и сами морфосинтаксические значения являются элементами систем конкретных языков (а не универсально значимыми единицами), морфосинтаксические признаки тем более носят исключительно конкретно-языковой характер (вопреки в значительной степени умозрительной концепции универсальных грамем и грамматических категорий, предложенной в книге Мельчук 1998). Тем самым, в принципе, морфосинтаксические значения, которые тот или иной язык объединяет в единую категорию, не обязаны быть взаимоисключающими по своей природе (об этом важно, но не всегда осознаваемом факте см., в частности,

⁷ Противопоставление синтаксиса и семантики в данном случае, особенно применительно к падежу, не только весьма размыто, но и, вообще говоря, малорелевантно; в этом смысле я отказываюсь от дихотомии «морфосинтаксических» и «морфосемантических» признаков и значений, на которой настаивает Г. Корбет (Corbett 2012: 49–50).

Плунгян 2011: 33–35, там же ряд примеров). Так, например, в языке валман (семья торричелли, Папуа-Новая Гвинея, см.: Brown & Dryer 2008; Corbett 2012: 147–149) в единый морфосинтаксический признак, проявляющийся в согласовании, объединяются такие значения, как «мужской род», «женский род», «множественное число» и «уменьшительность». Тем не менее, по-видимому, нормой для языков мира является все-таки объединение в категории значений, обладающих определенной «семантической однородностью» (ср.: Зализняк 2002/1967: 23).

Несмотря на то, что и в новейших работах по данной проблематике предлагается рассматривать морфосинтаксические признаки как минимально бинарные (см., например, Corbett 2012: 150–151), чисто логически ничто не запрещает постулировать унарные признаки с единственным значением (см.: *ibidem*: 16–17). Такой признак, противопоставленный лишь своему отсутствию, разумеется, логически эквивалентен «одионому» морфосинтаксическому значению, равно как и – казалось бы – бинарному признаку, вторым значением которого будет «отсутствие положительного значения». Собственно, одной из задач данной статьи является попытка показать, что применительно к падежу противопоставление между унарными и бинарными признаками может быть содержательным и не сводится непременно к конвенциям нотации (как утверждается в Corbett 2012: 17).

Сказанное выше может вызвать законный вопрос о том, не являются ли понятия «морфосинтаксическое значение» и «морфосинтаксический признак» лишь терминологическими синонимами понятий «(квази)граммема» и «грамматическая категория», соответственно. Ответ на этот вопрос я полагаю отрицательным: термины «морфосинтаксическое значение» и «морфосинтаксический признак» описывают более узкий класс сущностей, чем традиционные понятия. Это становится ясно, если обратиться к вопросу о предлагаемых в литературе принципах выделения в языке конкретных морфосинтаксических значений и морфосинтаксических признаков (об этом см., в частности, Corbett 2012: Ch. 4; Chumakina et al. 2007, а применительно к падежу – Зализняк 2002/1973; Beard 1995: 259–261; Corbett 2008; Spencer 2008, 2009; Spencer & Otoguro 2005).

Если для выделения в языке граммемы или квазиграммемы авторы, пользующиеся этими или аналогичными терминами, полагают достаточным существование определенного грамматикализованного (необя-

зательно морфологического) показателя, выражающего определенную грамматическую семантику (на вовсе не самоочевидном противопоставлении грамматической и лексической семантики я здесь не останавливаюсь; см.: Плулгян 2011: Гл. 1; Boye & Harder 2012), а грамматической категорией считают любое закрытое множество таких показателей, противопоставленных друг другу, то для постулирования морфосинтаксического значения необходимо, чтобы описание грамматики языка нуждалось в абстрактной единице, устанавливающей соответствие между формами и функциями. Если те или иные грамматические элементы языка могут быть исчерпывающим и простым образом описаны в терминах набора их функций, с одной стороны, и набора выражающих их показателей⁸, с другой, постулирование абстрактных морфосинтаксических значений и признаков может быть избыточным. Так, в работах (Spencer 2008) и (Spencer & Otoguro 2005) аргументируется отсутствие, соответственно, в венгерском и японском языках морфосинтаксического признака «падеж» на том основании, что, во-первых, этот признак не требуется морфологии этих языков, поскольку каждый «падеж» в этих языках имеет единственный (с точностью до фонологически мотивированной алломорфии) легко идентифицируемый показатель, и, во-вторых, синтаксические правила управления этих языков могут быть сформулированы в терминах тех же самых показателей. Тем самым, даже если при некотором понимании падежа явления венгерского и японского языков могут быть описаны этим термином (а автор настоящей статьи в других своих работах в принципе придерживается довольно широкого и вполне традиционного понимания, при котором и венгерский, и японский языки падежом обладают, см. критику «рестриктивного» подхода Э. Спенсера в Arkadiev 2010: 417–418), следует различать падеж «в широком смысле» как традиционную грамматическую категорию и «морфосинтаксический падеж» как явление более ограниченное.

Морфосинтаксические значения следует постулировать лишь в тех случаях, когда они необходимы для корректной формулировки обобщений либо на уровне морфологии (например, для описания выбора

⁸ Ср.: Comrie (1986: 89): “in Turkish ... the traditional cases (nominative, accusative, genitive, dative, locative, ablative) can just as readily be identified by their suffixes, respectively, *-Ø*, *-i*, *-in*, *-a*, *-da*, *-dan*”. Ср. также Blake (2000/1994: 28–29).

фонологически не связанных между собою показателей или случаев кумулятивного выражения граммем), либо на уровне синтаксиса (например, согласования или нетривиального управления), либо на обоих этих уровнях. Пример типичного «морфосинтаксического падежа» представляет русский язык, ни морфология, ни синтаксис которого не могут быть сколько-нибудь разумным образом описаны без апелляции к данному абстрактному признаку.

Дополнительные проблемы, напрямую связанные с вопросом об унарных морфосинтаксических признаках, возникают в случае отсутствия у гипотетического морфосинтаксического значения какого-либо морфологического выражения: является ли такое нулевое выражение реализацией определенного морфосинтаксического значения или указывает лишь на неохарактеризованность словоформы по данному признаку? Вопрос этот далеко не праздный, поскольку ответ на него может быть различным применительно к разным явлениям одного и того же языка. Так, в английском языке в парах *dog* 'собака' vs. *dogs* 'собаки', *book* 'книга' vs. *books* 'книги', *goose* 'гусь' vs. *geese* 'гуси' и т.д. словоформы *dog*, *book*, *goose* и т.д. следует рассматривать как положительно охарактеризованные значением «единственное» признака «число» (в формальной записи NUM: SG), поскольку этот признак необходим для корректной формулировки правил согласования (ср. *a dog barks* 'собака лает' vs. *dogs bark* 'собаки лают'). Напротив, в английском не представляется разумным приписывать тем же самым словоформам *dog*, *book*, *goose* гипотетическое морфосинтаксическое значение «непритяжательность», противопоставленное значению «притяжательность», имеющемуся у словоформ *dog's* или *book's*, поскольку такое гипотетическое «значение» не соотносится ни с каким разумным набором функций или контекстов, характеризуемым иначе как «по остаточному принципу» (ср. цитату из И.А. Мельчука выше).

Тем не менее, применительно к падежу исследователи практически никогда не сомневались в допустимости выделения «остаточных» граммем. В этой связи уместно привести развернутую цитату из работы (Iggesen 2005: 212):

The minimal case paradigm contains **two members**, since **paradigmatic relationships** between word-forms are ultimately based on **binary**

oppositions (minimal pairs). This implies that whenever a language has an overtly marked case category expressing a specific function, a corresponding zero-marked base form is counted as a case (“default case”, or “direct case”) *even if it has no specific function describable in positive terms*. In such instances, *the base form receives its case status only through the existence of a functionally and formally marked case category*. [Выделение жирным принадлежит автору, курсивом – мне.]

Данная логика, безупречная в рамках классического структурализма, представляется тем не менее уязвимой. Если в гипотетической оппозиции лишь один из элементов допускает какую-либо разумную позитивную характеристику, а второй член оппозиции выделяется лишь «для контраста», то такая оппозиция, как кажется, мотивирована не столько структурой самого языка, сколько ригидными требованиями концепции исследователя. Ср. в этой связи замечания В.А. Плуногяна (Плуногян 1994; Плуногян 2011: 25) о том, что грамматическая оппозиция может быть лишь эквиополентной, но не привативной, т.е. функции каждого члена оппозиции должно быть возможно положительно охарактеризовать.

Здесь мы подходим к выводу, непосредственно касающемуся проблемы, поднятой в данной статье: однопадежной можно признать систему, содержащую лишь одну граммему (или, в более узком смысле, морфосинтаксическое значение), у которой есть как ненулевое формальное выражение, так и положительно характеризуемый набор семантико-синтаксических функций. Такая граммема была бы противопоставлена не другой граммеме с нулевым выражением, функции которой можно было бы описать лишь отрицательно, а отсутствию морфосинтаксического признака «падеж» вообще. В следующих разделах статьи я постараюсь продемонстрировать такого рода падежные системы, а перед этим остановлюсь на том, как я понимаю сам термин «падеж».

Вслед за работами (Dench & Evans 1988: 2–6; Blake 2000/1994: 1; Тестелец 2001: 375–376) падеж определяется здесь как морфосинтаксическое значение (в описанном выше более строгом смысле), присущее именной составляющей (в терминах генеративной грамматики NP или DP), формально реализующееся по крайней мере на одной из входящих в нее словоформ и указывающее на характер синтаксической зависимости этой составляющей от предиката или иного синтаксиче-

ского хозяина. Трактовка падежа как признака в первую очередь составляющих, а не только отдельных словоформ, мотивируется как чисто синтаксическими соображениями («мишенью» управления, которое чаще всего реализуется с помощью падежа, выступают именно составляющие), так и тем, что во многих языках областью формального выражения падежа также являются именные группы. Это верно как для языков типа русского, где падеж выражается не только на существительном, но и на целом ряде зависимых от него элементов (прилагательных, местоимениях, кванторах), так и для языков, где падеж выражается в составе именной группы единственным раз, однако «локус» его выражения определяется относительно всей группы в целом (например, при последней словоформе или после первой словоформы), а не какой-либо конкретной словоформы в ее составе (подробнее см.: Dench & Evans 1988: 3–6; Anderson et al. 2006).

Данное здесь определение падежа является вполне традиционным и, в частности, исключает из рассмотрения такие явления, как синтаксически мотивированные противопоставления глагольных местоименных показателей (о них см., в первую очередь, Kibrik 2011, а также Haspelmath 2013), которые предлагается трактовать как аналоги падежных в ряде работ (ср., например, Kibrik 2012). Кроме того, отчасти вслед за определением из (Мельчук 1998: 324–327), я требую, чтобы падеж мог маркировать именные группы уровня предложения (или, если угодно, глагольной группы), т.е. зависимые глагола; противопоставления, релевантные лишь для внутренней структуры самих именных составляющих, вроде английского посессивного *'s*, я падежом не считаю и также исключаю из рассмотрения.

2. «Канонические» двухпадежные системы

Согласно данным в предыдущем разделе определениям, двухпадежной системой в строгом смысле можно считать морфосинтаксический признак «падеж» с двумя значениями (которые можно назвать, например, «прямым» DIR и «косвенным» OBL), каждое из которых необходимо для корректного описания морфологических и/или синтаксических закономерностей данного языка. Хороший пример такой системы может

дать старофранцузский язык (см.: Pope 1934: 311–313; Foulet 1970/1928: 4–31; Moignet 1976: 90–96). На уровне морфологии падежи в старофранцузском, во-первых, выражаются кумулятивно с числом, во-вторых, эти кумулятивные показатели (частично) различаются для разных типов склонения, см. табл. 1; тем самым, признак «падеж» с двумя значениями необходим морфологическому компоненту грамматики. В старофранцузском синтаксисе падеж активен по крайней мере как категория, релевантная для согласования внутри именной группы, ср. сочетания с артиклем в табл. 2 (Репина 1974: 26–27).

Табл. 1. Склонение в старофранцузском языке

		мужской род			женский род		
		‘стена’	‘господин’	‘барон’	‘земля’	‘сестра’	‘конец’
Sg	Dir	<i>murs</i>	<i>maïstre</i>	<i>ber</i>	<i>tere</i>	<i>suer</i>	<i>fins</i>
	Obl	<i>mur</i>	<i>maïstre</i>	<i>baron</i>	<i>tere</i>	<i>sorour</i>	<i>fin</i>
Pl	Dir	<i>mur</i>	<i>maïstre</i>	<i>baron</i>	<i>teres</i>	<i>sorour</i>	<i>fins</i>
	Obl	<i>murs</i>	<i>maïstres</i>	<i>barons</i>	<i>teres</i>	<i>sorours</i>	<i>fins</i>

Табл. 2. Падеж в старофранцузской именной группе

		‘стена’	‘барон’
Sg	Dir	<i>li murs</i>	<i>li ber</i>
	Obl	<i>le mur</i>	<i>le baron</i>
Pl	Dir	<i>li mur</i>	<i>li baron</i>
	Obl	<i>les murs</i>	<i>les barons</i>

С точки зрения набора их функций, однако, старофранцузские падежи скорее образуют привативную, нежели эквиолентную оппозицию, причем «маркированным» членом ее является прямой падеж, употребляющийся лишь в позиции подлежащего и предикатного имени (ср. традиционный термин *cas sujet*), в то время как косвенный падеж выступает во всех остальных синтаксических позициях (данное описание, стоит отметить, является скорее идеализированным, поскольку уже в ранних письменных памятниках наблюдается постепенное смешение

падажей, закончившееся в итоге практически полной утратой форм прямого падежа и распадом самой категории, см. об этом, например, Schøsler 1984). На выделение морфосинтаксических признаков и их значений, однако, такая дистрибуция влияния не оказывает, поскольку отмеченных выше морфологических и синтаксических фактов достаточно для постулирования падежа.

В индоиранском языке кати (нуристанская ветвь, Афганистан, Грюнберг 1980) морфосинтаксический признак падежа необходим для описания морфологии, поскольку падежные показатели кумулятивно выражают также число и различаются в мужском и женском роде, а кроме того, значение [CASE: DIR] вызывает нейтрализацию категории числа. Типологически нетривиальные именные парадигмы кати представлены в табл. 3.

Табл. 3. Склонение в кати (Грюнберг 1980: 175–176)

	‘источник’		‘девушка’		‘я’
	Sg	Pl	Sg	Pl	
Dir	<i>vuncev</i>		<i>juk</i>		<i>vuze</i>
Obl	<i>vuncev-e</i>	<i>vuncev-o</i>	<i>juk-a</i>	<i>juk-o</i>	<i>ye(me)</i>

Что касается синтаксиса, то хотя падеж не участвует в кати в согласовании в рамках именных групп, правила управления, связанные как с прямым, так и с косвенным падежами в этом языке настолько сложны (см. описание и примеры в Аркадьев 2005: 105–107; достаточно сказать, что оба падежа могут, в зависимости от различных факторов, употребляться при маркировании субъекта, прямого объекта и ряда обстоятельственных функций), что вне всякого сомнения требуют апелляции к данному морфосинтаксическому признаку.

«Канонические» двухпадежные системы представлены и в языках без кумуляции падежа с числом или иными категориями. Так, в языке каванису (юто-ацтекские, США, Zigmond et al. 1990) морфосинтаксический признак падежа необходим как для синтаксиса, проявляясь в согласовании внутри именных групп, ср. пример (1), так и для морфологии, поскольку разные типы имен присоединяют разные алломорфы

косвенного падежа, ср. также пример (1). На вопрос, не достаточно ли для описания языка кавaisu постулировать лишь одно падежное значение – OBL, – я предлагаю отрицательный ответ, поскольку DIR в этом языке имеет весьма четко очерченный набор функций, сходный с таковым прямого падежа в старофранцузском и явно не может трактоваться как «падеж по умолчанию».

(1) кавaisu (юто-ацтекские, США)

niʔi pikee-ka-di=ina waha-ko wodoravi-ta

я:DIR видеть-ASP-NML=3 два-OBL лошадь-OBL

'Я видел двух лошадей.' (Zigmond et al. 1990: 44)

Для контраста рассмотрим также пример языка, в котором можно постулировать двухэлементную категорию падежа в традиционном понимании, но, видимо, нет морфосинтаксического падежа. Это язык томпсон (сэлишская семья, Канада, Thompson & Thompson 1992: 144–146), в котором имеется противопоставление прямой (*e*) и косвенной (*ta*) форм артикля, обязательно предшествующего любой именной группе; синтаксические функции этих форм артикля в данном случае нерелевантны. Поскольку эти формы едины для всех случаев (с точностью до предсказуемой алломорфии) и встречаются в именной группе лишь один раз, синтаксические правила языка томпсон, как кажется, могут напрямую апеллировать к этим морфемам, так что постулирование морфосинтаксического признака «падеж» избыточно.

В следующем разделе я рассмотрю несколько случаев, которые в рамках традиционных представлений о грамматических категориях однозначно трактуются как двухпадежные системы (некоторые из них, как, например, персидский и йимас, описывал таким образом и сам автор), но которые, как кажется, при «неортодоксальном» подходе можно анализировать как однопадежные.

3. Однопадежные системы?

Простейший случай грамматической системы, которая в принципе допускает характеристику как однопадежная, представляет современный

персидский язык. Следует отметить, что далеко не все описания персидского постулируют в нем падежную систему – не говорят о падежах, например, грамматики (Lazard 1957) и (Рубинчик 2001). Тем не менее, в ряде современных работ идет речь о наличии в персидском аккумулятива, см., например статью «Падеж» в интернет-версии Encyclopaedia Iranica⁹ (где такой падеж выделяется с оговорками), или работы (Karimi 2005) и (Cagri 2007), где падежи понимаются скорее в абстрактно-универсальном смысле, принятом в генеративной грамматике. Эксплицитно двухпадежная система постулируется в персидском автором данной статьи (ср.: Аркадьев 2006b), однако делается это на типологических, а не внутриязыковых основаниях (которые не обязаны совпадать, см.: Haspelmath 2010).

Если следовать широкому пониманию падежа, сходному с принятым в (Blake 2000/1994) или (Аркадьев 2005) и трактующему падеж как минимально бинарную категорию, в персидском следует выделить два падежа: «косвенный», выражающийся с помощью энклитики (последлога) $-(r)\acute{a}$, маркирующей определенные прямые дополнения и некоторые обстоятельства (см.: Lazard 1957: 175–186), и «прямой», не имеющий никакого морфологического показателя и употребляющийся во всех прочих контекстах, в том числе в позиции неопределенного прямого дополнения и компонента многочисленных предлогов. Вопрос же о наличии в персидском падежа как морфосинтаксического признака необходимо, очевидно, решить отрицательно: синтаксические и морфологические правила, апеллирующие к маркеру $-(r)\acute{a}$, могут быть легко сформулированы в терминах самой этой морфемы и не нуждаются в медиации более абстрактного признака.

Однако что заставляет нас постулировать в персидском языке «прямой» падеж (или, если угодно, «номинатив»), кроме априорной идеи об обязательной бинарности грамматических категорий? Как уже было сказано выше, показателю $-(r)\acute{a}$ в персидском противопоставлена форма имени, не имеющая никакого специального выражения и, по всей видимости, никакой синтаксической и тем более семантической спецификации – гипотетический персидский «номинатив/прямой падеж» возможно описать лишь как «отсутствие аккумулятива/косвенного падежа».

⁹ <http://www.iranicaonline.org/articles/cases>

Если в персидском мы имеем дело не с эквивалентной, а с привативной оппозицией, то постулировать в нем падеж как категорию нет необходимости – достаточно выделить единичную грамему (или, если угодно, квазиграмему) «аккузатива».

Аналогичное описание пригодно, как кажется, и для целого ряда других языков, в том числе таких, где есть основания выделять падеж как морфосинтаксический признак в принятом здесь смысле. Так, в кушитском языке оромо (Owens 1985: Ch. 6) имеется противопоставление формы, в которой имена выступают в позиции субъекта (назовем ее «номинатив»), немаркированной форме, использующейся «по умолчанию» (такого рода или сходные системы весьма широко распространены в языках Африки, см.: Köpzig 2006). При этом номинатив в оромо является морфосинтаксическим значением *par excellence*, участвуя в правилах согласования, ср. пример (2), и демонстрируя нетривиальную алломорфию показателей, см. табл. 4.

(2) оромо (кушитские, Эфиопия, Кения; Owens 1985: 87)

nam-nii *gaarii-n* *ni-d'ube*
люди-НОМ хороший-НОМ ГОС-пришли
'Пришли хорошие люди.'

Табл. 4. Показатели номинатива в оромо (Owens 1985: 98, 100–102)

базовая форма	номинатив	перевод
<i>sáree</i>	<i>sáree-n</i>	‘собака’
<i>d'iigá</i>	<i>d'iiny-nii</i>	‘кровь’
<i>duresá</i>	<i>dures-ii</i>	‘богатый’
<i>dubrá</i>	<i>dubar-tii</i>	‘девушка’
<i>bishaan</i>	<i>bisháan</i>	‘вода’
<i>na</i>	<i>ani</i>	‘я’
<i>si</i>	<i>ati</i>	‘ты’

Несмотря на то, что статус номинатива в оромо как морфосинтаксического значения несомненен, необходимость постулировать в этом языке еще один падеж («абсолютив» в терминологии цитируемого

описания) уже менее очевидна. Такой падеж, выделяющийся лишь по остаточному принципу и не мотивированный никакими морфологическими либо синтаксическими фактами языка, представляется избыточным. Для корректного описания грамматики оромо, как я полагаю, достаточно постулировать унарный морфосинтаксический признак [CASE: NOM], а немаркированную форму трактовать как неохарактеризованную по падежу. Тем самым, оромо дает нам пример морфосинтаксического признака «падеж» с единственным значением.

Наконец, я хотел бы обратиться к наиболее сложному и одновременно весьма показательному случаю, а именно к упоминавшемуся выше языку йимас. Как уже было сказано выше, в йимасе выделяется «косвенный падеж» (OBL), и структуралистская логика требует постулировать в нем также и «прямой падеж», что автор настоящей статьи делает в своих работах о двухпадежных системах (см., например, Аркадьев 2006а). OBL в йимасе – морфосинтаксический падеж в строгом смысле, т.к. выбор показателя этого падежа зависит, с одной стороны, от значения категории числа и, с другой, от лексических свойств основы (Foley 1991: 166, 168), см. табл. 5; кроме того, в некоторых случаях, в частности, при постпозиции определения, этот показатель может выступать в именной группе дважды, хотя в норме он употребляется лишь при последнем ее элементе (*ibidem*: 188, 280), ср. пример (3).

Табл. 5. Алломорфия косвенного падежа в йимасе

основа	OBL	перевод
<i>tanp</i>	<i>tanp-n</i>	‘кость (SG)’
<i>tanpat</i>	<i>tanpat-n</i>	‘кость (PL)’
<i>tmat</i>	<i>tmat-nan</i>	‘день (SG)’
<i>yan</i>	<i>yan-an</i>	‘дерево’ (SG)
<i>kaŋk</i>	<i>kaŋk-nan</i>	‘ракушка’ (PL)

(3) йимас (сепик-раму, Папуа-Новая Гвинея)

а. *ta* *kaŋ-nan*
 другой каноэ-OBL

- b. **ta-nan* *kaɥ-ɲan*
 другой-OVL каноэ-OVL
- c. *kaɥ-ɲan* *taɥ-ɲan*
 каноэ-OVL другой-OVL
 ‘в другом каноэ’ (Foley 1991: 280)

Что касается функций падежей и их дистрибуции, то ситуация здесь является обратной показанной выше для языка оромо и скорее напоминает старофранцузскую. Косвенный падеж в йимасе можно трактовать как «падеж по умолчанию», использующийся для оформления любых периферийных синтаксических позиций и семантических ролей (понятие «периферийная синтаксическая позиция» будет уточнено ниже): места (4a), конечной точки движения (4b), времени (4c), инструмента (4d), каузатора при непереходных глаголах изменения состояния (4e), зависимого имени в составе «именных комплексов», которые У. Фоли (ibidem: 171–177) трактует как сложные слова (nominal compounds), (4f), а также комплемента послелогов (4g).

- (4) йимас
- a. *tɲumut-ɲan* *ama-na-irm-n*
 саговая.пальма:DU-OVL 1SG.S-ASP-стоять-PRS
 ‘Я стою у двух саговых пальм.’ (Foley 1991: 165)
- b. *arm-n* *kaɥ* *i-ka-ak-mpi-wul*
 вода-OVL каноэ:SG 3SG.P-1SG.A-толкнуть-SEQ-опустить
 ‘Я столкнул каноэ в воду.’ (ibidem: 326)
- c. *tmat-ɲan* *nma-kay-wark-wat*
 солнце:SG-OVL дом-1PL.A-строить-NAV
 ‘Мы всегда строим дома днем.’ (ibidem: 169)
- d. *tktntrm-nan* *namarawt* *na-ɲa-tpul*
 стул:DU-OVL человек:SG 3SG.A-1SG.P-ударить
 ‘Человек ударил меня двумя стульями.’ (ibidem: 165)
- e. *ikn-an* *antki* *ya-urkpwica-t*
 дым-OVL крыша:PL 3PL.S-почернеть-PFV
 ‘Крыша почернела от дыма.’ (ibidem: 204)
- f. *num-n* *numpran*
 деревня-OVL свинья:SG
 ‘домашняя свинья’ (ibidem: 172)

g. <i>kawŋk-un</i>	<i>akpɲan</i>	<i>na-na-irm-n</i>
стена:SG-OBL	позади	3SG.S-ASP-СТОЯТЬ-PRS
‘Он стоит за стеной.’ (ibidem: 169)		

Что касается немаркированной формы именных групп (гипотетического «прямого падежа») в йимасе, то ее дистрибуция может быть описана простым правилом: в немаркированной форме выступают именные группы, кореферентные местоименным показателям в сказуемом (соответственно, те именные группы, которым в сказуемом никакого показателя не соответствует, маркируются косвенным падежом; в этом смысле понятие «периферийная синтаксическая позиция» в грамматике йимаса эквивалентно «синтаксической позиции, не индексируемой в предикате»). Действительно, в полисинтетическом глагольном комплексе йимаса могут индексироваться до трех актантов глагола (Foley 1991: 193–235): субъект непереходного глагола, пример (5a), агенс и пациенс переходного глагола (5b), а также все участники трехместной ситуации, включая реципиента или бенефицианта (5c); в тех случаях, когда эти участники выражены именными группами, последние не имеют падежного показателя. В примерах ниже именные группы и соответствующие им показатели коиндексированы.

(5) йимас (Foley 1986: 94)

a. <i>narmaŋ_i</i>	<i>na_i-pu-t</i>		
женщина:SG	3SG.S-идти-PFV		
‘Женщина ушла.’			
b. <i>narmaŋ_i</i>	<i>uraŋk_j</i>	<i>ki_j-n_i-am-it</i>	
женщина:SG	кокос:SG	3SG.P-3SG.A-есть-PFV	
‘Женщина съела кокос.’			
c. <i>namat_k</i>	<i>uraŋk_j</i>	<i>narmaŋ_i</i>	<i>ki_j-n_i-ŋa-r-umpun_k</i>
мужчина:PL	кокос:SG	женщина:SG	3SG.P-3SG.A-дать-PFV-3PL.R
‘Женщина дала кокос мужчинам.’			

Нагляднее всего связь между падежом и индексированием в глаголе проявляется при рассмотрении актантной деривации, в частности, каузатива, добавляющего к ситуации ядерного участника-агенса с грамматической ролью субъекта (Foley 1991: 281–318). Выше был

приведен пример (4е), в котором неодушевленный объект, являющийся причиной изменения состояния другого объекта, выражен периферийной группой в косвенном падеже при одноместном глаголе; в йимасе возможна, однако, и альтернативная конструкция, в которой каузатор является грамматическим агенсом, а глагол получает каузативный префикс и становится переходным, ср. минимальную пару в примере (6).

(6) йимас

- a. *marasin-an* *tamam_i* *p_i-waca-k-m_i-ti-t*
 лекарство-OBL язва 3SG.S-уменьшиться-IRR-3SG.S-стать-PFV
 ‘Язва зажила от лекарства.’ (Foley 1991: 300)
- b. *marasin_j* *tamam_i* *p_i-n_j-tar-waca-k-m_i-ti-t*
 лекарство язва 3SG.P-3SG.A-CAUS-уменьшиться-IRR-
 3SG.S-стать-PFV
 ‘Лекарство вылечило язву.’ (ibidem)

В йимасе мы имеем дело с довольно распространенной в языках мира ситуацией, когда формально выраженное падежное маркирование именных групп (зависимостное маркирование в терминологии (Nichols 1986; Bickel & Nichols 2007: 193–197) находится в дополнительной дистрибуции с индексированием их с помощью местоименных показателей в глаголе (вершинным маркированием в терминах Дж. Николз). Поскольку в таких языках, в частности, в йимасе, зависимостное и вершинное маркирование, фактически, выполняют одну и ту же грамматическую функцию идентификации синтаксических и/или семантических ролей элементов предложения, их можно – только в таких языках! – считать разными реализациями одного грамматического механизма¹⁰. В таком случае постулирование в йимасе «прямого падежа», лишенного как формального выражения, так и релевантных с точки зрения грамматики данного языка функций, представляется избыточным.

Таким образом, как я надеюсь, мне удалось показать, что для целого ряда языков (подчеркну, что рассмотренные в этом разделе конкрет-

¹⁰ Ср. формулировку самого У. Фоли: “This is the Papuan case marking schema boiled down to its essence: verbal affixation for the core participants and nominal case for the peripheral ones” (Foley 1986: 96).

ные случаи являются представителями целых «типов» грамматических систем) возможно описание в терминах однопадежной системы, в которой морфосинтаксический признак «падеж» имеет единственное значение, противопоставленное отсутствию падежа. При этом с содержательной точки зрения такие случаи распадаются на два типа: языки типа персидского или оромо, где маркированный падеж с узким набором функций противопоставлен морфологически нулевой «дефолтной форме», и языки типа йимаса, где, напротив, «дефолтной формой» по синтаксическим критериям можно считать формально выраженный «периферийный» падеж, противопоставленный немаркированным именным группам, индексируемым в предикате.

4. Некоторые импликации

Сделанные в § 3 выводы на первый взгляд парадоксальным образом имеют последствия для анализа многопадежных систем. Действительно, если логика предшествующего изложения строилась на аргументации, позволяющей «вычлесть» из двухпадежной системы один из элементов, постулирование которого избыточно, то в принципе, ничто не мешает провести аналогичную «редукцию» и с более богатыми системами. Наиболее очевиден такой логический ход в случае языков, отличающихся от йимаса лишь тем, что в них различные периферийные семантические роли дифференцируются с помощью разных падежных показателей. Таких языков в мире существует весьма значительное число (см.: Аркадьев 2011). Так, например, в кетском языке, согласно грамматикам (Vajda 2004: 21–29) и (Georg 2007: 102–117), выделяется двенадцать падежей. Их формальное выражение организовано довольно сложным образом, в частности, противопоставляются падежные показатели, присоединяющиеся непосредственно к основе, и падежи, строящиеся на основе генитива, аффиксы которого различаются в зависимости от рода, одушевленности и числа основы, см. парадигмы в табл. 6 (Georg 2007: 103–104). Таким образом, падеж в кетском языке можно считать морфосинтаксическим признаком в строгом смысле.

Табл. 6. Падежные парадигмы в кетском

	Sg		Pl	
	мужской род	жен. и ср. род	одушевл.	неодушевл.
номинатив	<i>Ø</i>			
генитив	<i>-da</i>	<i>-d(i)</i>	<i>-na</i>	<i>-d(i)</i>
датель	<i>-daŋa</i>	<i>-diŋa</i>	<i>-naŋa</i>	<i>-diŋa</i>
бенефактив	<i>-data</i>	<i>-dita</i>	<i>-nata</i>	<i>-dita</i>
аблатив	<i>-daŋal</i>	<i>-diŋal</i>	<i>-naŋal</i>	<i>-diŋal</i>
адэссив	<i>-daŋta</i>	<i>-diŋta</i>	<i>-naŋta</i>	<i>-diŋta</i>
локатив	–	<i>-ka</i>	–	<i>-ka</i>
просекутив	<i>-bes</i>			
инструменталис	<i>-as</i>			
абэссив	<i>-an</i>			
транслатив	<i>-esaŋ</i>			
вокатив	<i>-ó</i>	<i>-ǝ</i>	<i>-ǝ́</i>	–

Падеж, в грамматике Ш. Георга называемый «номинативом», а в грамматике Э. Вайды «абсолютивом», единственный не имеет выраженных показателей и употребляется при индексированных в глаголе ядерных актантах – субъекте и прямом объекте, ср. пример (7а), а также неиндексированных в глаголе актантах трехместных предикатов (7б) и таких периферийных ролях, как обстоятельства времени, ср. пример (8). Именные группы с выраженным падежным маркированием не индексированы в глаголе, даже когда синтаксически являются актантами, а не сирконстантами (Vajda 2004: 82), как «санки» в примере (7а).

(7) кетский (енисейские, Сибирь; Vajda 2004: 82)¹¹

a. *ām_i dīlgàt_j súùl-as da_i-óŋ_j-d-p-taŋ*
 мать дети санки-INS 3SG.F.A-3AN.PL.P-через-APPL-тянуть
 ‘Мать везет детей на санках.’

¹¹ Примеры даются в транскрипции источника; разные авторы используют различные способы записи кетского материала.

b. *qīm_i tēt_j qīmdil da_i-ó_j-v-ij-aq*
 жена муж девочка 3SG.F.A-3SG.M.P-APPL-PST-дать
 ‘Она дала мужу девочку.’

(8) *kīne sii bok-a-tn škóla-diŋa*
 этот год 3SG.S-TN-идти школа-ALL
 ‘В этом году он пойдет в школу.’ (Georg 2007: 106)

Как кажется, в кетском постулирование «номинатива» или «абсолютива» в качестве отдельного морфосинтаксического значения признака «падеж» скорее избыточно: «нулевую форму» можно трактовать как форму имени «по умолчанию», лишённую признака падежа вообще. В этом смысле кетский сочетает свойства, с одной стороны, йимаса, где беспадёжная форма появляется в качестве «дополнения» местоименных показателей в глаголе, и языков, где немаркированные имена имеют «дефолтную» дистрибуцию.

Наконец, «беспадёжные» формы можно постулировать и в языках без дополнительного или близкого к нему распределения вершинного и зависимостного маркирования. Так, в языках юманской семьи (Мексика, Калифорния), подобно языку оромо, имя в позиции объекта выступает в немаркированной форме («объектный» или «абсолютный» падеж), а маркированные формы включают номинатив и ряд периферийных падежей (см. о типологии таких падежных систем монографию Handschuh 2014). Ср., например, в табл. 7 падежную парадигму языка диегень, где выделяется шесть падежей (Gorbet 1976: 15–33), ср. также (Miller 2001: 154).

Табл. 7. Падежная система в диегенью

номинатив	-c
аккузатив	∅
комитатив	-m
аблатив	-k
локатив	-i
инэссив	-L ^y

Каждый из формально маркированных падежей в диегеньо имеет четко очерченный круг употреблений; то же самое можно было бы сказать и об «аккузативе», если бы он употреблялся лишь в описываемых в соответствующих разделах цитируемых работ функциях прямого и непрямого объектов (9а), субъекта именной клаузы (9б) и посессора (9с). Дистрибуция немаркированной формы в диегеньо, однако, этими позициями не ограничена и охватывает практически любые функции имен, поскольку, как пишут авторы описаний, выражение падежей в диегеньо факультативно (Gorbet 1976: 27–33; Miller 2001: 154, 160–162): во многих случаях, особенно в отсутствие показателя определенности *-ри*, любые падежные маркеры могут быть опущены, ср. параллельные примеры в (10)–(12).

диегеньо (юманская семья, США, Мексика)¹²

- (9) а. *kʷak* *ma:t-pi* *i:paʷ* *winʷ*
 олень тело-DEM люди дал
 ‘Он дал людям оленину.’ (Gorbet 1976: 17)
- б. *ixpa-pi* *a:ʂa:-c* *yis*
 орел-DEM птица-NOM есть
 ‘Орел – это птица.’ (ibidem: 15)
- с. *kʷsuɑ:ʷ* *nʷ-kuci:*
 врач POSS-нож
 ‘нож врача’ (ibidem: 17)
- (10) а. *achewaaw-ch* *anemak-ch* *w-aam*
 жена-NOM оставить-SS 3-уйти
 ‘Его жена оставила его.’ (Miller 2001: 155)
- б. *kwe-nsuum* *paɑ*
 3SG-младший.брат прибыть
 ‘Прибыл его младший брат.’ (ibidem: 160)
- (11) а. *matt-i* *chewaw*
 земля-LOC класть
 ‘Он положил его на землю.’ (ibidem: 156)

¹² Примеры даются в транскрипции источников, которая не совпадает у разных авторов.

- b. *u'mall matt ke-chewaw*
 книга земля IMP-класть
 ‘Положи книгу на землю.’ (ibidem: 160)
- (12) a. *Kaamp-k we-man peyii pa*
 Кампо-авл 3-происходить здесь прибыть
 ‘Она приехала сюда из Кампо.’ (ibidem: 158)
- b. *nye-famil chamlly Kuyamáka neman*
 POSS-семья все Куямака происходит:PL
 ‘Вся его семья родом из Куямака.’ (ibidem: 161)

С чисто формальной точки зрения релевантные имена в примерах (10b), (11b) и (12b) выступают в «аккузативе», однако очевидно, что здесь мы имеем дело не с альтернативой падежей, а с факультативным употреблением падежных показателей – явлением, по-видимому, довольно широко распространенным, хотя и малоизученным. Неслучайно, собственно, что ни один из цитируемых мною авторов не трактует немаркированные формы в примерах вроде (10b), (11b) и (12b) как формы «аккузатива». Таким образом, я полагаю, что эмпирически адекватное и экономное описание падежной системы диегенью должно трактовать «аккузатив» в качестве формы, вообще не имеющей признака «падеж» и выступающей в контекстах, где не употребляются (категорически или факультативно) формально маркированные падежи.

* * *

Итак, общий вывод, который можно сделать из материала, проанализированного выше, состоит в том, что отказ от априорного представления об обязательной бинарности грамматических категорий, равно как и от более общего требования «инклюзивности», заставляющих постулировать в языках мира граммемы или морфосинтаксические значения, выделяющиеся лишь «по остаточному принципу», позволяет, как мне кажется, прийти к более элегантным и адекватнее отражающим языковую реальность описаниям. Если некая грамматическая форма не имеет никакого специального показателя гипотетической граммемы, а ее дистрибуция не может быть описана иначе как отрицательно, то постулировать соответствующую граммему нет необходимости, а саму эту форму следует трактовать как вообще не несущую значения

соответствующей грамматической категории, в частном случае падежа. То же самое касается и случаев, когда немаркированные формы имени используются исключительно или в основном в контекстах, где идентификации семантико-синтаксических ролей служат другие грамматические механизмы, например, вершинное маркирование. В «предельных» случаях, когда в языке имеется лишь одна эксплицитная грамматическая форма зависимостного маркирования, последовательное применение такой логики требует постулировать категорию или морфосинтаксический признак падежа с единственным элементом, если угодно, являющимся квазиграммемой.

Сокращения

1 – первое лицо; 3 – третье лицо; AN – одушевленность; A – агенс; AVL – аблатив; ALL – аллатив; APPL – аппликатив; ASP – аспект; CAUS – каузатив; DEM – демонстратив; DIR – прямой падеж; DU – двойственное число; F – женский род; FOC – фокус; NAV – хабитуалис; IMP – императив; INS – инструменталис; IRR – ирреалис; M – мужской род; NML – номинализация; NOM – номинатив; OBL – косвенный падеж; P – пациенс; PFV – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; R – реципиент; S – субъект; SEQ – последовательность событий; SG – единственное число; SS – одно-субъектность; TH – «тематический элемент».

Литература

- Аркадьев П.М., 2005, *Функционально-семантическая типология двухпадежных систем*, „Вопросы языкознания”, № 4, 101-120.
- Аркадьев П.М., 2006а, *Типология двухпадежных систем*. Диссертация кандидата филологических наук. Москва: РГГУ. (http://www.inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/Arkadiev_disserwhole.pdf)
- Аркадьев П.М., 2006б, *Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива*, [в:] М.Н. Боголюбов (ред.), *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора А.Л. Грюнберга (1930–1995)*, Санкт-Петербург: Наука, 74-92.
- Аркадьев П.М., 2008, *Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем*, „Вопросы языкознания”, № 5, 34-62.

- Аркадьев П.М., 2011, *Падеж в языках с вершинным маркированием: опыт эмпирически-ориентированного типологического исследования*, [в:] В.С. Храковский (ред.), *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов*, Санкт-Петербург: Нестор-История, 27-32. (http://www.inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/Arkadiev_caseheadmarking_SPb2011.pdf)
- Грюнберг А.Л., 1980, *Язык кати*. Москва: Восточная литература.
- Зализняк А.А., 2002, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва: Языки славянской культуры.
- Зализняк А.А., 2002/1967, *Русское именное словоизменение*, 2-е изд. [в:] А.А. Зализняк, 2002, 1-370.
- Зализняк А.А., 2002/1973, *О понимании термина “падеж” в лингвистических описаниях*, 2-е изд. [в:] А.А. Зализняк 2002: 613-647.
- Мельчук И.А., 1997, *Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: Слово*. Москва, Вена: Языки русской культуры.
- Мельчук И.А., 1998, *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения*, Москва, Вена: Языки русской культуры.
- Перцов Н.В., 2001, *Инварианты в русском словоизменении*, Москва: Языки русской культуры.
- Плунгян В.А., 1994, *К проблеме морфологического нуля*, [в:] В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, Н.В. Перцов (ред.), *Знак. Сборник статей по лингвистике и семиотике памяти А.Н. Журина*, Москва: Русский учебный центр, 148-155.
- Плунгян В.А., 2011, *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва: РГГУ.
- Репина Т.А., 1974, *Аналитизм романского имени (склонение существительных на западе и востоке Романии)*, Ленинград: ЛГУ.
- Рубинчик Ю.А., 2001, *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва: Восточная литература.
- Соссюр Ф. де. (1977/1916). *Курс общей лингвистики* [в:] Ф. де Соссюр, *Труды по языкознанию*, Москва: Прогресс, 31-273.
- Тестелец Я.Г., 2001, *Введение в общий синтаксис*, Москва: РГГУ.
- Якобсон Р.О., 1985/1959, *Взгляды Боаса на грамматическое значение*, [в:] Р.О. Якобсон, *Избранные работы*, Москва: Прогресс, 231-238.
- Anderson S.R., Brown L., Gaby A., Lecarme J., 2006, *Life on the edge: There's morphology there after all!*, “Lingue e linguaggio”, Vol.5, N 1, 1-16.
- Arkadiev P.M., 2006, *Two-term case systems in cross-linguistic perspective*, [in:] Online proceedings of CESCL-1, Budapest, May 2006 (<http://www.nytud.hu/cescl/proceedings.html>).
- Arkadiev P.M., 2008, *Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking*, [in:] P. de Swart, H. de Hoop (eds.), *Differential Subject Marking*, Dordrecht: Springer, 151-171.

- Arkadiev P.M., 2009, *Poor (two-term) case systems: Limits of neutralization*, [in:] A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.), *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 686-699.
- Arkadiev P.M., 2010, *A review article of "Case and Grammatical Relations"*, G.G. Corbett, M. Noonan (eds.), Cambridge University Press, 2008, "Language", Vol. 86, N. 2, 416-428.
- Beard R., 1995, *Lexeme-Morpheme Base Morphology: A General Theory of Inflection and Word Formation*, Albany (NY): SUNY Press.
- Bickel B., Nichols J., 2007, *Inflectional morphology*, [in:] T. Shopen (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*, Vol. 3, *Grammatical Categories and the Lexicon*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 169-240.
- Blake B.J. (2000/1994). *Case*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boye K., Harder P., 2012, *A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization*, "Language", Vol. 88, N 1, 1-44.
- Brown L., Dryer M., 2008, *Diminutive as an inflectional category in Walman*, Ms.: University of Buffalo. (<http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/dryer/dryer/BrownDryerWalmanDimin.pdf>)
- Cagri I.M., 2007, *Persian accusative case: A lexicalist approach. Handout from the 2nd International Conference on Iranian Linguistics*, Hamburg. (<https://iranianlinguistics.org/publications/syntax/Cagri2007>)
- Carstairs-McCarthy A., 2000, *Category and feature*, [in:] G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan et al. (eds.), *Morphology. An International Handbook on Inflection and Word-Formation*, Vol. 1, Berlin, New York: Walter de Gruyter, 264-272.
- Chumakina M., Kibort A., Corbett G.G., 2007, *Determining a language's feature inventory: Person in Archi*, [in:] P. Austin, A. Simpson (eds.), *Linguistic Issues in Endangered Languages* (special issue of *Linguistische Berichte*, 14), Hamburg: Buske, 143-172.
- Comrie B., 1986, *On delimiting cases*, [in:] R. D. Brecht, J. S. Levine (eds.), *Case in Slavic*, Columbus (OH): Slavica, 86-106.
- Corbett G.G., 2008, *Determining morphosyntactic feature values: The case of case*, [in:] G.G. Corbett, M. Noonan (eds.), *Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1-34.
- Corbett G.G., 2009, *Morphosyntactic features: The special contribution of the Slavonic languages*, [in:] S. Birzer, M. Filkenstein, I. Mendoza (eds.), *Proceedings of the Second International Perspectives on Slavistics Conference* (Regensburg 2006), 68-74.
- Corbett G.G., 2010, *Features: essential notions*, [in:] G.G. Corbett, A. Kibort (eds.), *Features. Perspectives on a Key Notion in Linguistics*, Oxford: Oxford University Press, 17-36.
- Corbett G.G., 2011, *The penumbra of morphosyntactic feature systems*, [in:] *Special Issue on Agreement Features*, "Morphology", Vol. 21, 445-480.
- Corbett G.G., 2012, *Features*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett G.G., Kibort A. (eds.), 2010, *Features. Perspectives on a Key Notion in Linguistics*, Oxford: Oxford University Press.

- Dench A., Evans N., 1988, *Multiple case-marking in Australian languages*, "Australian Journal of Linguistics", Vol. 8, N 1, 1-47.
- Foley W.A., 1986, *The Papuan Languages of New Guinea*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Foley W.A., 1991, *The Yimas Language of New Guinea*, Stanford: Stanford University Press.
- Foulet L., 1970/1928, *Petite syntaxe de l'ancien français*, 3-ème éd. revue, Paris: Champion.
- Georg S., 2007, *A Descriptive Grammar of Ket (Yenisey-Ostyak). Part I. Introduction, Phonology, Morphology*, Folkestone: Global Oriental.
- Gorbet L.P., 1976, *A Grammar of Diegueño Nominals*, New York, London: Garland.
- Handschuh C., 2014, *A Typology of Marked-S Languages*, Berlin: Language Science Press. (<http://langsci-press.org/catalog/book/18>)
- Haspelmath M., 2010, *Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies*, "Language", Vol. 86, N 3, 663-687.
- Haspelmath M., 2013, *Argument indexing: a conceptual framework for the syntax of bound person forms*, [in:] D. Bakker, M. Haspelmath (eds.), *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*, Berlin: De Gruyter Mouton, 197-226.
- Hjelmstev L., 1972/1935, *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. Première partie*, 2, Aufl. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
- Iggesen O.A., 2005, *Number of cases*, [in:] M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.), *The World Atlas of Language Structures*, Oxford: Oxford University Press, 202-205. (<http://wals.info/chapter/49>)
- Karimi S., 2005, *A Minimalist Approach to Scrambling. Evidence from Persian*, Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Kibrik A.A., 2011, *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik A.A., 2012, *What's in the head of head-marking languages?*, [in:] P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds.), *Argument structure and grammatical relations: a cross-linguistic typology*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 211-240.
- König Chr., 2006, *Marked nominative in Africa*, "Studies in Language", Vol. 30, N 4, 705-782.
- Lazard G., 1957, *Grammaire du persan contemporain*, Paris: Klincksieck.
- Malchukov A., Spencer A., 2009, *Typology of case systems: Parameters of variation*, [in:] A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.), *The Oxford Handbook of Case*, Oxford: Oxford University Press, 651-667.
- Matthews P.H., 1991/1974, *Morphology*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller A., 2001, *A Grammar of Jamul Tiipay* (Mouton Grammar Library 23), Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Moignet G., 1976, *Grammaire de l'ancien français. Morphologie – Syntaxe*. 2-me éd. rev. et. corr., Paris: Klincksieck.
- Nichols J., 1986, *Head-marking and dependent-marking grammar*, "Language", Vol. 62, N 1, 56-119.
- Owens J., 1985, *A Grammar of Harar Oromo (Northeastern Ethiopia)*, Hamburg: Buske.
- Pope M.K., 1934, *From Latin to Modern French with especial consideration of Anglo-Norman. Phonology and Morphology*, Manchester: Manchester University Press.

- Schösler L., 1984, *La déclinaison bicasuelle de l'ancien français: Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition*, Odense.
- Spencer A., Otaguro R., 2005, *Limits to case – A critical survey of the notion*, [in:] M. Amberber, H. de Hoop (eds.), *Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case*, Oxford: Elsevier, 119-145.
- Spencer A., 2008, *Does Hungarian have a case system?*, [in:] G.G. Corbett, M. Noonan (eds.), *Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 35-56.
- Spencer A., 2009, *Case as a morphological phenomenon*, [in:] A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.), *The Oxford Handbook of Case*, Oxford: Oxford University Press, 185-199.
- Stump G.T., 2001, *Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Thompson L.C., Thompson M.T., 1992, *The Thompson Language*, University of Montana Occasional Papers in Linguistics, N 8.
- Vajda E., 2004, *Ket*. München, Newcastle: LINCOM Europa.
- Zigmond M.L., Booth C.G., Munro P., 1990, *Kawaiisu. A Grammar and Dictionary with Texts*, Berkeley, Los Angeles: University of California Press.